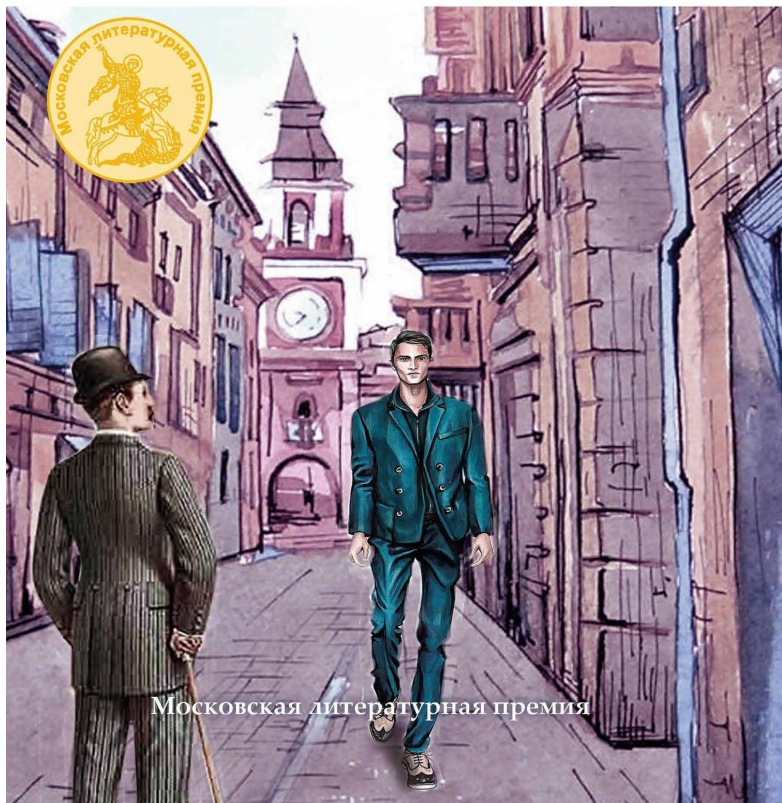

Спецвыпуск

книжной серии

«Современники и классики». Выпуск 5

СОВРЕМЕННОКИ
И КЛАССИКИ

Московская литературная премия

Коллектив авторов
Анастасия Лямина
Спецвыпуск книжной
серии «Современники
и классики». Выпуск 5
Серия «Современники и классики»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48694686
Спецвыпуск книжной серии «Современники и классики». Выпуск 5:
Интернациональный Союз писателей; Москва; 2019
ISBN 978-5-00153-193-7

Аннотация

Перед вами пятый, можно сказать юбилейный сборник «Современники и Классики».

Под его обложкой читатели найдут много «поэтов хороших и разных», отличающихся стилем и направлением, а потому составляющих настоящую палитру современной поэзии.

В сборнике также представлены образцы интересной и необычной прозы, при подборе которой уделялось особое внимание эссеистике и публицистическим произведениям, которые касаются как вечных проблем, так и «дел давно минувших дней» и, наконец, событий ближайшего времени.

Содержание

Владимир Думский	7
Зимние стансы	9
Март	11
Город	12
Северный сонет	13
Убегающие ударения	14
На Петроградке	15
Летний сад	17
Медный всадник	18
Санкт-Петербург	19
1. На стрелке Васильевского острова	20
2. Сфера влияния	22
3. Двоеточие	23
Закат	24
Березовая аллея	25
Весна нельская	26
Невский всадник	28
Светоч	31
Вальс	32
Памяти любви	33
Жить красиво	34
С книгой О. Манделштама	36
Верстки	38

С книгой М. Цветаевой	40
Муза	42
«Ты красива, умна и печальна...»	43
Вечер	44
Фокус	45
Февраль	46
Стихи для друзей	48
Смерть и сон	50
Дожди	52
«Стремимся осознать путь звезд в судьбе природы...»	53
Древо бытия	54
Осенний лес	56
Чувства	58
Безвременно ушедшим демократам	60
Весна	61
Баллада из кинофильма	62
Легенды	64
Из времени	66
Волки	68
Вскоре	69
Марта-Иванна Жарова	70
Виктор Третьякевич. Дважды преданный, дважды убитый[7]	73
Липкая метка	73
Тот, которого так любили	74

Увенчанная жертва	75
Из комсоргов в партизанские связные	76
Комиссар «Молодой гвардии»	88
Заговор против комиссара	98
Конец ознакомительного фрагмента.	103

**Коллектив авторов
Спецвыпуск книжной
серии «Современники
и классики». Выпуск 5**

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Владимир Думский

Родился в г. Ленинграде, проживаю в Санкт-Петербурге. В мае 1941 г. мы уехали в деревню... и на всю войну. Там меня отдали в школу, и, когда мы вернулись, я уже бегло читал, мне было шесть лет. Отец Думский Л. М. ушел добровольцем на фронт и пропал без вести.

В 1965 г. я оказался в Литобъединении, которым блестяще руководил выпускник Литературного института по классу И. Сельвинского В. Прохвятилов, который дал мне рекомендацию в Литинститут, но И. Сельвинский умер, и мне не пришлось учиться в институте.

Первая книга стихов «Вчера» была издана в 1990 г. в изд. «Смарт» (редактор А. Мясников). Затем было издано еще несколько книг.

В 1999 г. я окончил Высшую духовную академию по классу Р. Блаво (специальность – валеолог). Работал инженером-наладчиком, гл. инженером, директором ООО, валеологом.

Печатался в альманахах и журналах. Награжден медалями «С. Есенин», «За заслуги в культуре и искусстве» и др.

Теперь на пенсии. Член ИСП.

От автора.

Зимние стансы

(три стихотворения)

Ирине

Твои печали не принадлежат
Тебе одной, то город воедино
Грустит с тобой, что улицы лежат
Настолько прямо – и судьбу не видно...
Гранит томится первобытным сном,
Когда лежал он в угро-финской чаще
В седых туманах, кроясь подо мхом
С мечтой взрастить в нем стебель настоящий.
Дворцы горды влиятельной красотой,
Почти стыдясь окраин в Петербурге,
Где люд живет в позиции простой —
Один бетон под слоем штукатурки...
Красноречивы мнения творцов:
Их идеалы в судьбах воплотились
Мостов музей, классики дворцов,
Колонн вихрастых пушкинского стиля?...
Вновь приглашает зимний лед реки
Плениться ночью пешею прогулкой,
За все на Стрелке маги-рыбаки

Колдуют важно под луной над лункой...
Нева довольна, ежится с утра,
Фарватер стянут, будто неподвижен,
Застывшей барже двигаться пора,
Пейзаж зимы к весне сдвигая ближе...
Века побед твоих, Санкт-Петербург,
Стиль ленинградский прославляли тоже!
...Твои печали – голуби из рук,
Совсем не грех слегка нас потревожить.

Март

В изящной дымке «Прежний Петербург»
По-царски рад являть прожект старинный,
В час упований он судьбою друг, —
Архитектура – зодчий беспартийный...
Но скрытой в нас безродной пустоты
Не перечеть для счастья и печали,
Лишь часть души, что с вечностью на «ты»,
Наш каждый шаг запишет на скрижали...

Готовы тексты: невский ледосток
Терзает льды до льдинок шелестений,
Для белой ночи – чистенький листок
И для деревьев – зелень зарождений...

Зима уже отснеживает круг
Прощания эпически-златого.
...Твои печали – голуби из рук,
Легко расставшись, выются рядом снова.

Город

Ты столицей вернулся сюда, Петербург,
Твое имя всемирно, всеильны деяния!
Всеуе «питер-словечко» склоняют не вдруг:
Вечно зависть снижает величие звания.

Петербург – благодать! Ежедневно верны
Петербуржским легендам живые истории...
В ленинградской Эпохе – все вехи страны!..
Святой Петр град назвал!..
Но вот «питер» не строили...

Северный сонет

Респект к снегам цвет славит голубой...
По-мурмански минорно-многолико
За счастье встреч к прощанью там привыкли,
Таланты тратят легкою рукой

И, всматриваясь в сопки, ждут иной
Погоды, но не столь в молитве —
Лишь во товариществе силы монолитней...
Чудесный дар! – старательной весной

По три цветка, что в три строки-терцеты,
Светлы, приветны южные тецеты
В обычной распродаже на потребу, —

Вслед лица вдумчивы и улицы узки,
Чтоб грусть перебежать по краешку тоски,
А взгляд живей, чем акварель по небу...

Убегающие ударения

Старый опыт в новом деле,
Как теперь, о господин,
Сблизил разночтенья истин,
Мудро цель преодолев?
Новый метод старых опытов,
Не спеши себя хвалить,
Слушай всех, кто станет хаять,
Смейся с ними, но потом
Дерзко восхити идею
Содержаньем, ей присущим,
А насмешникам оплошности всучи!
Не забудь у славы взять меню.

На Петроградке

На Петроградке, полной волшебства,
В запутавшемся доме (слышь, Зазерский?...)¹
Не уживалась с Музами мечта,
Но город вновь творил музеи в сердце!

Я белокурых путаниц любил,
На острове Березовом² блуждая,
А если он мотивы с толку сбил,
Уже Фомин³ почти не возражает.

Куда спешить от уз и тупиков,
Подтекстов, стилей, двойственных названий?
Нева влечет, и к чарам я готов,
«Петровский»⁴ зримо в магию заманит!

Забьют ли гол – тащи «ноль – пять» на стол,
Москву затмить – важнее результата...
«На Петроградке кутит колдовство!» —
Весь год болтлив столичный комментатор.

¹ Дом архитектора А. Зазерского на Б. Пушкарской, д.7, 1912 г., неоклассицизм.

² Два названия острова Петроградского района СПб.

³ Два названия острова Петроградского района СПб.

⁴ «Петровский» – стадион, где играют в футбол.

«Замутят воду» – время осветлит...
Родной мажор восторженно настроен!..
Чтит Петроградка счастья лабиринт,
Средь звезд оно полно своих историй...

Прав невеликий важный островок,
Взяв Заячий пустык с Веселым взором⁵,
Завоевать он три столетья смог:
«Быть! Крепость с Петропавловским собором!»

⁵ Два названия острова Петропавловской крепости. Многие улицы Петроградки имеют сдвоенные названия...

Летний сад

...Зимний, зимний Летний сад
Синим инеем объят,
Вне домов и площадей,
Сам с собой наедине,
Заслонившись славой лет,
Завораживает свет...

Медный всадник

Ослабь поводья, яростный седок!
Как ни тянись, себя не пересилить.
Ты укротил пространство, время, рок, —
Ты возвратил их в город этот стильный!

В сравненьи с ним чего еще достичь?
Мечты твоей светлей, себя он любит.
Собой любуясь, твой не слышит клич,
Но и тебе отсель пути не будет!

Вотще стремишь свою стальную стать
Из плена, так пленительно открытым...
Днесь и царю за круг не ускакать!
Змея побед придавлена копытом...

Санкт-Петербург

Он душу вымотает мне,
Красою выпрямив проспекты,
Но путь – к уверенной Неве,
Здесь зарождаются прожекты!
Их стиль нам триста лет сродни, —
Сколь честь Державы – лицеисты,
Пыл декабристов сохраним,
Мы – петербуржцы,
Мы – невесты...

1. На стрелке Васильевского острова

(три стихотворения)

Во мне животворили тишина,
спокойствие и легкость духа...
Я ощутил, как начал нисходить
к Неве вдоль полусферы скверика на Стрелке,
что с каждым шагом обретаю
и равновесие, и силы
тем очевиднее, как за спиной
трамваи с резким стуком
расхлопывали двери, привлекая пассажиров...
Я одиночества желал себе,
и удалялся я от городского шума,
и забывал, что город существует.
Со мной Невы ограда к воде спускалась,
мы остановились у шара каменного,
скатившегося по гранитной огороже,
казалось, здесь замедлившего, растерявшись, —
продолжить ли стремление к воде?...
И он остановился вдруг, объятый восхищением,
как точка двоеточия прожекта Стрелки, представляя
случайности времен, людей, событий...
Сегодня зима была и крепость

виднелась ближе и таинственной,
как будто бы из вековых явилась предъявлений...
Все было как на ладони, близко и любимо, —
рыбак, колдующий над лункой,
тропинка среди льда
и остров, прозванный Веселым, —
волшебная шкатулка в детской книжке...
Я подниматься стал вблизи перил гранитных,
и город встретил грохотом трамваев,
шумом площади, движением неспешным
среди забот, любви и вдохновенья...

2. Сфера влияния

Вы подстрижены, словно деревья,
щеголяющие по скверу Стрелки.
Днем вы еще похожи на тех,
кто старался выразить свои убеждения,
Но вечером вам не с кем изображать
демонстрацию...
Не случайно остановимся посередине
двоеточия шаров гранитных,
чтобы услышать отзвук
ненасытной красоты их царства,
обменяться восторгами...

3. Двоеточие

Душа пуста, как пляж Петропавловки...
Мне светло и одиноко, словно сегодня
что-то случится
И это время, ясное и независимое,
Осенит меня новой целью
И озарит мою жизнь внутренним светом.
Медленно листья слетают к воде,
словно в движеньи чужом – утешение...
Есть же предел и страданию,
но смутно мы жаждем его...
Освобождение – вот чем влечет
увяданье природы!
Полный покой лишь свободен вполне...
Вечной красы двоеточию мало...

Закат

Заалели, замерзая, облака,
Замерзая, как трамвайное стекло, —
Князь ли света с факелом в руках
Двигался за тканью облаков...
Невдали, где над Невою пронеслись,
Восхитив навечно, гибкие мосты,
Солнце, обожающее жизнь,
Падало с угрозой остыть...
Объявился в час урочный светлый нож
Франта – месяца небесной вышины,
Словно увлекающая ложь
Славно убывающей луны...
И в ночи, иллюминируя, как сон,
Мироздание космической семьи, —
Божий перст исчиркал небосклон
Магам и учащимся Земли...
Нам ли жизнь неоднократно чаровать
Шанс дается, но душою все одной?...
Сном пленяясь, облако опять
Укололось петропавловской иглой...

Березовая аллея

В Березовой аллее лежат тропинки чисел
Разлук и встреч прошедших... Что школьную тетрадь,
В которой юный трепет и сушь осенних листьев,
Листая, понимаешь, как надобно страдать...
В нечаянном изыске всех местонахождений
Деревьев ли знакомых, скамеек и оград
Проистекает время прогулок к возрождению
Воспоминаний, словно виднее здесь в сто крат...
Осенних дней влюбленность под хрупкими лучами
Оберегает ломкость и радужность ветвей,
И губы, что алели, и руки, что встречались
В приветливых извивах Березовых аллей...

Весна невская

С вечернею и тихую Невой
скользили льдины тонкие к заливу,
последние посланцы ледохода.
Они ломались даже друг от друга,
и легкий хруст крошащегося льда,
чуть слышимый движенья звон,
упрямые невидимые всплески вод
сливались с тишиной так ощутимо,
так выпукло река открылась взору,
неотвратим был ток воды,
что мнилось, время воссоздалось в плоти,
и безустанное движение реки
собой являло Времени течение.
Хотелось, сделав верный шаг вперед,
на льдину встать и плыть,
почувствовать свободу воздуха,
непобедимость духа, —
входить в туннели под мостами
и далее постичь неведомую ширь.
...А льдины шелестели на Неве,
столкнувшись, разрушались,
погружались в воды,
вдруг появляясь снова,
и продолжали спор о таинстве подводном,
о силе властного потока,

стремившего их долгой вереницей
к познанию бесконечности ранимой,
к небытию, но вечному значению
при таянии ледовых наслоений
в круговороте влаги по земле и небу,
святой неволи для всего живого...

Невский всадник

*Ваятели и Зодчие, Поэты
Для Петербурга Музы воссоздали,
И благозвучны стали камни зданий,
Наполнились гармонией проспекты.*

От ладожских бурунных вод
До Балтии туманных скал
Река просторная течет,
Волна качает облака...

С волной дорога-бирюза,
И люди льнули к берегам, —
Наверно, реку ту прозвал
Невою невод рыбака...
Привык народ к реке Неве,
Деревни строил, торговал,
Да швед-король клонил к войне —
Эх, знал бы, с кем он воевал!

Швед воевал в чужом краю
И сдался русскому царю!

Из той поры вернулся миф
Победной Северной войны:
«Где Финский близится залив,

Вдруг всадник над скалою взмыл!
На шкуре зверя, без седла,
Коня он вздыбил над Невой —
Из бездны, из волны скала
И всадник власти роковой!
Недвижен, но вперед и ввысь
И взлет коня, и мудрый взор!
Казалось, наполнял он жизнь
Великой целью, – весь простор
Десницей царственно объяв,
Провидел здесь, на островах,
Мечты столицу, словно явь!
Вражду змеиную и страх
Поправ копытами коня,
Расставил службу по местам
И покорил пространства вязь!
И город встал, мечту храня,
Как будто всплыл – мечта сама...
Река ли внове родилась,
Или вернула град Нева...»

Сей миф не числит деревень,
Что смысл строительный прожект,
Что многим стало умереть
На стройке первых трудных лет.

Харчи, болотный грунт и сырь
Ругал и клял работный люд,
Но всюду Всадник-поводырь,

Чья Власть, чей Дух вперед зовут.

Не каждый город – властелин
Судеб и грез, творцов, царей,
Но невский град предвосхитил
И всадника красой своей.

Полна величия река,
Брега украсили гранит,
Мосты парят и облака,
Но Верховой коня стремится.
Всплыла легенда – знать, пора —
О том, что город здесь стоял
Намного ранее Петра,
А Петр скорей воссоздавал?...
Давно, возможно, город жил,
Но вдруг стихией поглощен,
В подводном царстве долго был
И вновь на землю возвращен?...
Так, зданье Биржи – давний жанр —
От Атлантиды образец:
Свят в Греции – ни млад, ни стар, —
Под стать одну живет дворец.
А здесь откроет вдруг гранит
Средь плит таинственный портал,
Что по законам пирамид
Являет в космосе сигнал.

Светоч

Я задремал... мне снилась хорошо
Та «Светоч», что всю жизнь глаза мозолит:
«...перелетев Пушкарку, я прошел
через врата фабричные со звоном.
И предлагают звоны променаж
среди книг, тетрадок, механизмов... В створе
дверей – тупик... телега... в ней тираж
стихов... моих?! „Вези уж, стихотворец...“».

Вальс

Забвение любимой, как поцелуй, храню.
Размолвка так жива, что чувствую дыханье.
Оставь, уйди, забудь – я будто бы в раю,
Благодарю за все, что кончилось стихами.
Никто не виноват, что север вновь подул
И солнце отдает ему во власть пространства.
Заслужен отдых твой, беги от мудрых дум,
Они вослед тебе соединятся в стансы.
Надежней и верней в них чувства сохраним,
Учи хоть наизусть каприз воспоминаний...
О, даже за любовь я не благодарил
Так неизбежно. Рок! Не ссора вовсе с нами...
Припев: Я тот, кем не кажусь,
Зря не вводи в кураж себя,
Тебя ж понять не тщусь, —
Ведь ты не та, кем кажешься.

Памяти любви

Любовь среди воспоминаний...
Жаль, не заполнить ими дни,
Не счесть на счастье притязаний,
Былых обид не отменить.
Когда же вдруг ты в мир летальный
Ушла от нас, призвав любовь,
Я мнил в мечтах воспоминаний
Любовным сном забыться вновь.
Но годы правят суть желаний:
Воображение молчит —
Вослед в тиши воспоминаний
Ослабевает дух мечты...

Жить красиво

Быть знаменитым некрасиво...

Б. Пастернак

«Быть знаменитым...» – жить красиво!
Свой тайный слог не тешь, поэт.
Ты сам всю жизнь необъяснимо
Взахлеб звал славу, с ней воспет.
К тебе лишь вопрошает Сталин:
«А Мандельштам наш гениален?»
Сказав: «Не знаю...» вместо: «Знамо!..» —
Ты разве трусость признавал?
Восславил гений Мандельштама
Сам Сталин – коль арестовал!
И Мандельштама мчит в спецлагерь
Вагон-свинарник жутких правил...
Бывает, славою воспеты,
Махнут для правды мини-ложь, —
Благой ответ хранил Поэта:
Простил бы тезку, может, Вождь!
Свидетель жил от ссыльной были:
«Живым Иосифа застили...»
...Запрет для рукописей тайных
Стихам – как хлеб, знакомый нам!
В напрасных сталинских стараньях
Скрыт воспитательный бедлам.

И вновь волхвует, восхищая,
Стиль Манделъштама... не прощает...

С книгой О. Мандельштама

Жест простодушия – посвятить
Жизнь Вечной Музе в мирской глуши,
Где недоразвитым давний стиль
Дань предводить в скопидом души.

Досье препятствий – в главу утех,
Знать, Божий глас дан из всех, из всех
Неприницаемым, – но каждый лист
Неистошимый запомнит стих.

Он манит выше, чем твой полет,
Раздвинет дали – за горизонт,
Низвергнет в логово адских мук,
Молитвы слаще – чист новый звук!

Не для сомнений и ложь, и страх —
Неузнаваем и правды храм...
В его невинности свет комет:
Тьму озарить и взыскать запрет

Среди людей, как среди богов,
Вычерчивать из нетленных слов
Путь свой!.. Из глуши земной,
Заброшенной в звездный рой,
Выселиться, так всей душой!..

Верстки

*Светлой памяти
народной артистки планеты
Е. В. Образцовой*

Зеленые мечты – наш чаровник —
Под небом бирюзовым с облаками
Вдоль черного шоссе, чей черновик
Разъездами исчиркан, как стихами
О встречах, безыскусности под стать...
Но гении – в плену предназначений:
Заветы Божьи в душах возверстать,
Даруя жизни перевоплощений!

Влеку, шоссе, мечту стреми – за край,
За облако, к вершинам и пределам,
Альбом оваций взору открывай,
Листай Державы, храмы Мельпомены!..
Движение не слышит жаль тоски,
Все ж сердце полнят жалобы и муки
Души России... музыка... стихи...
И с ними разум высветил науки...

С рождения стремится детвора
Взамен муштры соперничать незримо,
Творцами обрисована игра

Ума, воображения и ритма.

Семь нот, семь центров чарам красоты

И радуге энергии и славы, —

Но рядом, здесь, – не будет и версты,

На ключ, где встанет верстка жизни самой...

С книгой М. Цветаевой

За прическою в цирюльне
часто приходилось появляться, —
волны стрижки
вольно сочетались!
Кто искусно каждый раз осмеливался
красоту советовать ножами?

Надо было так,
чтоб рассыпалась
по Руси дорогам облыселем,
чтоб встряхнуть —
и людям вспоминалось
о душе, разбросанной по селам.

Надо было так,
чтоб вспоминалось,
словно в прошлом
тайна открывалась,
будто над безумными веками
с новой правдой восторжествовали.

Кто умел, кто свой был для причесок?
Что когда касаешься их шума,
то перебираешь шапки сосен
или облака перед грозюю.

Видно, косы – было б тоже ладно,
косам только не подходит имя,
косы – это примеряет Анна,
а из волн – рождается Мариной!

...Для короткой стрижки зачастую
с куафером вам пришлось общаться,
только ни в Европе, ни в России
не открылось мастера для счастья...

Муза

Марии Шараповой

(два стихотворения)

Август ясный ушел. Поднимались туманы в полях.
По утрам лишь макушки деревьев из леса едва
выступали.

Белым днем бытие и по Цельсию было выше нуля,
Но под вечер в тиши безответно туманы блуждали...

Каждый день тишина провожала вдаль птиц голоса,
Деревенское небо, что главы церквей увлекало полетом,
Где неизвестной музыкой свято полон неведомый зал,
Вслед движению сфер в поднебесье – далеко, далеко...

Чтоб звезда, услышав, поскорее подруг привлекла
И нашел бы я ту, что, извечно мечтая, печалит мне душу.
О, таинственная краса, как же ты далека, далека, —
Не хватает мне рук даже спутником стать
слушным...

«Ты красива, умна и печальна...»

Ты красива, умна и печальна,
Чем еще жизнь способна воздать?
Разве счастьем... Для счастья – тайна,
Устремление к ней – благодать.

Но к победам! Соперничать рады,
Пусть и в зависть – пред жестом твоим,
Только в нетях ты, будучи рядом,
Дивный лик твой изящно раним!..

«Что же Муза сия не успела,
Позабыла явить?» (Быль вдали...)
Улыбнулась с экрана (иль спела):
«Не бывает любимей любви!..»

Вечер

Девятый час, на мир цветной
Глядим окрест... В пространстве зрело
Безмолвие – звездой одной
Красуясь, небо вечерело.
Нагуливал зефир полей
Волну зеленую по склонам,
Закат, твоих ланит алей,
Фартил разладом с общим тоном.
Березы три светлы, рядком,
Переплетясь вверху главами,
Зашлись в согласии таком,
Что песнь плыла под облаками.
На бис был солнечный аккорд, —
Закат присел на гуртик синий,
А черно-белый гурт коров
Поплелся к ферме, сливки с ними.
Но в наших сомкнутых руках
Две горсти сумрака заждались,
Когда ж начнет он с небом в такт
Сей день окутывать звездами.

Фокус

Неуловим и приятнее сказки,
Можно смотреть, вечно радуясь обману,
Он невероятнее обмана,
не соревнуется с ним, не соприкасается.
Он – искусство жизни,
Наши движения-жесты – часть фокуса:
Скрыть себя, спрятать в себе человека —
вот вечный фокус,
Если не учитывать нашего появления на свет.

Февраль

Остану Рабкину

Опять февраль закапал,
Косноязычен весь,
В безволии заката
Обещанная весть,
Катившаяся так же,
Как солнце вдоль трубы
В передвиженьи каждом
По времени судьбы.
...Ты хочешь осторожно
Оспорить и не лгать,
Что жизнь – обман и можно
Вполне счастливым стать.
Еще мудрее в нашей
Любимой стороне
Не прикасаться к фальши
И, как февраль, гореть.
От сетки и до сетки
Так, идолом прослав,
Нас мяч гоняет в «Клетке»,
И нам неведом срыв.
Чтоб к вечеру, устало
Раздваивая рот,
Катиться в одеяло,

Как солнце в горизонт.
Но вольничая, что ли,
Опять живем потом,
Испытывая боли
И с онемелым ртом...

Стихи для друзей

Мы расстались, не встречаясь,
Сколь встречались бы чужие,
Деловито разбегаясь,
Не вздыхали, не тужили
Друг о друге. До свиданья.
Здесь мой мир, а твой – за лесом.
Нам не надо оправданий
Ни заветам, ни завесам.
А рукам, взмахнувшим зыбко,
Приказали не трудиться —
Безошибочной улыбкой
Заполнялись наши лица.
Деловые разговоры,
Толкованья правды вещей,
Даже если мы не воры,
Откровенностью – не блещем!
Эх, фартовые мы с виду,
С облегченьем разминулись.
Чем оглянешься мне в спину?
Зубоскальством или с пулей?
Но себя ли уважали
Или более наличку?
Прочитали не скрижали,
А из Библии – страничку.
У доверчивых бывалых

Героизм приусмирился,
На безропотных экранах
Ничего мы не боимся...

Смерть и сон

Не в желто-спелом, не в зеленом,
Верней оранжево-жива,
Порой осеннюю под кленом
Царит фигурная листва...
Неинтересно на земле им:
Внизу полет не утолить!
Теперь и листьям, и деревьям
Забыть друг друга жизнь велит.
...И мы живых порой хороним,
Вдруг летаргичным «взятых» сном⁶,
Астралы их – претекст сторонний:
«Родное тело, просим в сон...»
Врачи же, тупостью объята,
Не слышат сердца «тонкий штрих»
И числят мертвыми невнятно
В том летаргичном сне – живых!..
Всегда, и даже в землю – верьте,
Астрал вернется – жизни впрок,
Но телу гроб уж дан – для смерти,

⁶ Понятия астрала и летаргического сна в словарях. Состояние, когда «астральное тело» выделилось из тела (во сне, например), но имеет с телом связь через «серебряную нить», которая «удерживает астрал» и «соединена» с телом в районе пупка, – и является летаргическим сном. Но врачи могут не «слышать» слабое биение сердца в живом теле («...чтоб в груди дремали жизни силы...» – М. Лермонтов) и определяют смерть.

И тело бьется, рушит гроб...
Так лист, слетевший вниз с деревьев,
Еще фигурно-неделим,
Со снегом бьется, как со смертью,
И погибает вместе с ним...

Дожди

Дожди, дожди по вечерам,
Струились воды или струны,
Их ритм стихи очаровал,
С гитарою они взгрустнули.
Остановитесь! – я молю,
А в нотах истина простая:
Планету лучшую свою
Изводит Бог не уставая!
Но снова с верой в небеса
Взлетают лучики-ресницы
От книг – к мечтам, и паруса
Парят над алою страницей!
Года, учите! – денно крут
Урок ваш – чаяний смотрины...
Читай, – тогда в охотку труд
Знал и молитвенник старинный,
И вечерами шли дожди,
От них под кленами спасаясь,
Сближались люди, дальше шли,
Уже влюбленными считались.

«Стремимся осознать путь звезд в судьбе природы...»

Стремимся осознать путь звезд в судьбе природы...
Нас одиночество преследует всегда,
Когда неверен шаг, и близятся невзгоды,
И свет молитвы глух, что дальняя звезда.

Взываем знак небес, достаточных влияний,
Непостижим наш мозг, и взгляд на царстве с ним...
До времени – в тоске – мы лишь земли селяне,
Осиль же плотский мир, паломник-селянин!

Древо бытия

В. Н. Ларину

Соединило четыре стихии —
воду, огонь, воздух и дерево...
Ветви стремится навстречу солнцу
и пьет огонь космоса,
накапливая его в дар людям...
Благословенными омывается дождями,
Ветрами очищается со всех сторон света,
утверждая ствол свой в гибкости и прочности...
Корнями уходящее в недра земли-матушки,
Пьет силу земли из семи ключей,
дом давая птице, зверю и человеку...
Благословляем тепло очагов,
делающих ночи светлыми,
Благодарствуем за прохладу теней,
за мысли под гордыми коронами крон...
Внимаем гармоничным звукам инструментов,
материи которых впитали свет солнца,
божественные влиянья
и мелодии поднебесных оркестров,
переходящие в наши сердца...
Вдыхаем восхищенно воздух,
облагороженный природой растений...
Я прихожу к дереву с молитвой и почтением

и прошу освежить мою энергетику.
Я прижимаюсь, обнимая, к березе общительной
или сажусь спиной к дубу нераненому,
прикасаюсь ли ладонями к сосне приоблачной, —
Всегда чувствую силы и токи земные,
переходящие в меня с энергией неба.
Я вкушаю необходимые плоды древа жизни,
и ни один из них не привносит разлад
в мои ткани и стремления.

Осенний лес

Осенний лес... Само созвучье
Сумело в буквах заспать
И манит в сон, как будто лучше
Не спорить, спать и осыпаться.
Забуть про летние забавы,
Прохладу, тень, хмельную терпкость
Плодов и трав, – довольно славы,
Вновь тишина слышна, как в церкви.
Ни звука зря... Летят ли птицы,
Слетают ли с деревьев листья —
Под небом ласковее ситца
Их шелест, словно хитрость лисья.
Царит прощание!.. Деревья
В опустошении осеннем,
Но даже думы о стареньи
Здесь причисляются к измене.
Вослед за внешним расставаньем,
Как в отречении глубоком,
Природе важно вместе с нами
Внимать божественным истокам.
На небе – Эра Водолея,
У нас – любовь и грусть Иисуса,
Над генами, случись, довлея,
Природа даст шестое чувство.
...Вновь интуиции учиться,

Как эти мокрые синицы...
Вы спите, буковки страницы?
И осень-странница ложится.
Осенний лес... Освобожденье...
Скажу, о девочка-береза:
Не одинокий целый день я,
Пока твой дом насквозь серьезен.

Чувства

Вере

Светлая песня и темное вино —
все, что нам хочется в этот вечер.
Сегодня наша комната кажется еще больше.
Ты отправляешься к трюмо и пробуешь
новую косметику.
Конечно, твои крашенные губы и голубые
ресницы можно не целовать,
но это поможет нам всмотреться
в наши отношения, если ты обернешься
и перестанешь выглядывать из зеркала.
Включим телевизор, пусть светит только он:
Лучшее в мире бра – телевизор!
Горка и секретер, сколько позволено молчать,
набрали книг и тайн, словно воды в рот?
(Не знаешь ты, древний секретер,
что судьба тебе – сниматься в кино...)
А ты, красный комод, переведи наконец
надпись на дне твоего ящичка.
Но буфету придется отодвинуться в тень
и перестать делать вид,
будто внутри него есть нечто
более старомодное, чем в нас.
Присядем в кресла, гнутые венскими мастерами,

и послушаем их уверенность и спокойствие.
Вальс Штрауса для нашей старинной мебели,
не снимай пластинку, мы же знаем:
соседи лягут спать,
Успокоится наша вздорная коммуналка,
Отщелкнут электроприборы и мы будем рядом,
Словно и не было сегодняшнего вечера.

Безвременно ушедшим демократам

Памяти А. А. Собчака

Безвременно ушедшим демократам
Несем цветы к подножию могил,
Романтикам, подвижникам крылатым,
Надеждам нашим самым дорогим!
Во власть они входили как в Эпоху,
Крепили силы нравственных свобод,
Спешили... не вернули бы по ходу...
И вновь влекли в заманчивый поход!
Своих «ниспровергателей» прощали,
Чтоб дружбу и любовь Бог детям дал,
Чтоб «горы злата» не перемещались,
Россию оставляя навсегда.
Век бремени войны... заветов... власти...
Хороним, молим душу: «Сохранись!»
Остались книги, мысли их, остались
Несказанными несколько страниц...
С победами отважных демократов
Осилили мы комплекс немоты!
Безмерная постигла нас утрата...
Но выстроим реальные мечты!

Весна

Подниму глаза – небо,
Что платье твое голубое,
А под ногами грязь
И белые пятна зимы.
Весна разберется,
Весна, как платье твое голубое,
Черные мысли простит...
Подниму глаза —
Что в толпе твоя легкость,
Первый зеленый листок,
Такой же отчаянный,
Выбежавший на перекресток,
Когда еще все в пальто...

Баллада из кинофильма

*Журавлики-кораблики
плывут под небесами...*

Кинофильм «Летят журавли»

Не журавли летели по небу,
А весть начавшейся войны, —
Грозна, сначала недопонята
Народом и вождем страны.
И добровольцы неумелые,
Строевики, простой солдат
Еще не верили, не ведали
Суть первых сводок, жертв и дат.
...Свои ли, вражеские происки —
Теперь лишь факт, а вслед войне
Сюжет кино, правдивой повести
Врезался в память, в сердце мне.
Казалось, что у той израненной
Березы я отца узнал,
Когда свинец на цель направили
И смерти подали сигнал.
Качнулось небо, словно маятник,
Взывала трепетная мысль:
«Видение последней памяти,
Не умирай, остановись!..»

Ведь мы и писем-то не видели,
Мы ждали, верили... Всю жизнь
Идет известие о гибели!
«Пропавший без вести, вернись!»
Последний час узнал бы в песне я
И добровольца, и бойца,
Но до сих пор я жду известия
С войны о гибели отца.

Легенды

Полна война легенд для памяти,
В день Юбилея – не вопрос,
Но, может, вы еще не знаете —
Я из легенды тоже рос.

Сей сказ – отец с моею мамою,
Любви, семье они верны
Назло войне и не за славою,
Не за медаль родной страны.

Отец на фронт ушел и без вести
Пропал... Судьбе война равна...
А мама верною невестою
Всю жизнь растила нас одна!

Прошли года, война закончилась,
Судьба не учит предвкушать,
Что снова будут добровольцами
Идти на фронт и... пропадать...

А дети – ждать и фантазировать,
Вообразив живым отца,
И для страны – с мечтой красивою —
Жить от начала до конца.

Сильна история повторами:
Не отучила нас любить
Себя в России, и готовы мы
Страны защитниками быть.

Из времени

Партия, дай порулить?...

Из газет

Обещалы, сдавайтесь,
Справедливость грядет
Исторической Власти...
Вспячь река не пойдет...
А билетик ваш членин,
Данный КПСС,
Вам придумал не Ленин:
В нем сноровистый бес.
Марксов путеводитель
С бездуховным перстом...
Вы билетики рвите
И кладите, кладите
На кровавый престол!
На осмысленный подвиг
Вас Отчизна зовет!
Без насмешливой нотки —
Обещалы, вперед!
Уходите не слепо
От фальшивых идей:
Дать всем поровну неба
Для безгрешных людей.
Мы греховны, прости им

Свое дело, Господь...
Возроди же, Властитель,
Монархический код!
Вдруг – привычно заславлен —
Коммунистов ли слог, —
Модно став социальным,
Обнаружим совок.

Волки

Волки – брачные по жизни,
Для семьи еда нужна.
Что же мы их так боимся?
Наша ненависть смешна!

Волки – худшая потеря
Для природы и зверей...
Не будите в волке зверя,
Отпугните – без потерь!

Вскоре

Мы поедem мимо леса,
Поднебесных мимо звезд,
Изучая счастья вместе
Грезо-молниевый мост.

Не во сне ли, а во свете,
Изживая счастья стиль,
Унесемcя мы к планете,
Где земная правит быль.

Не забудем, не остынем,
Утверждая там любовь,
Ибо станем молодыми
Мы на той планете вновь!

Марта-Иванна Жарова

Я родилась в Ленинграде 26 мая 1972 года. Первое стихотворение написала в восемь лет, но задолго до этого начала сочинять сказки. Посещала секцию прозы во Дворце пионеров им. Жданова у Нины Алексеевны Князевой и Михаила Борисовича Кононова. Ежегодно становилась победителем и лауреатом конкурса «Творчество юных», городских олимпиад по литературе. Стала также победителем поэтического конкурса «Имя» и вошла в Союз Творческой Молодежи Санкт-Петербурга. Участвовала в драматургическом конкурсе «Действующие лица» с пьесой «Прометей, или Божественная трагедия». В 2008 году самостоятельно выпустила два первых поэтических сборника: «Золотая печать» и «Лабиринт». В 2013 году в «Своем» издательстве (СПб) вышел мой третий поэтический сборник «Евангелие листопада», а также сборник сказок «Дух пустыни» и моя книга «Магия образа. Феномен Джордано Бруно». Мой роман «Изамбар, история прямодушного гения» выпущен издательством «Крылов» в 2008 году (под творческим именем Иванна Жарова). Моя книга «Магия Образа. Феномен Джордано Бруно» (историко-философское исследование) вышла в 2013 году (СПб, «Свое» издательство). В 2016 году издан поэтический сборник «Богиня и Ветер». Фактически готова к печати также и первая часть моей трилогии «Затонувшая Земля» в жанре фэнтези.

Осенью 2013 года мною изданы также два сборника поэ-

тических переводов с испанского языка: «Любовь похожа на дорогу» (Песенная поэзия Виктора Хары в переводах Марты-Иванны Жаровой) и «Чилийская песенная поэзия в переводах Марты-Иванны Жаровой» (СПб, «Свое» издательство). На протяжении ряда лет провожу творческие встречи, посвященные музыкально-поэтическому наследию Виктора Хары и других выдающихся представителей движения «Новая Песня Латинской Америки», а также авторские творческие вечера.

С 2017 года являюсь членом РСП, в 2016, 2017, 2018 гг. мои поэтические тексты публиковались в ежегодных альманахах «Поэт года» (номинант национальной литературной премии «Поэт года»), в 2017 и 2018 гг. – «Стихи», в 2018 и 2019 гг. – в альманахе «Антология русской поэзии». В 2019 году подборка моих стихов опубликована в сборнике «Поэтический мотив» (Издательский дом «АРТ-Сияние»). Награждена медалями «Владимир Маяковский 125 лет» и Пушкинской медалью.

С 2019 года кандидат в члены ИСП.

Виктор Третьякевич. Дважды преданный, дважды убитый⁷

Липкая метка

Виктору Третьякевичу, будущему члену Ворошиловградского подпольного горкома комсомола, комиссару краснодонской подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», было двенадцать лет, когда он написал этот маленький рассказ «Сон»:

«Мы ходили на экскурсию. Я так находился, что когда пришел домой, скорее поел и лег спать. Мне снился сон. Как будто я в лесу хожу один. Там темно, печально и страшно. Звери ушли на спячку, птицы улетели в теплые края. Букашки и те спрятались под корой. Только ветер поет, гнет деревья к земле. А желтые листья будто бы сыплются с них, кружатся у меня над головой и жужжат. Я рассердился и стал их ловить, но они все куда-то исчезли. Только один листок летал-летал и упал мне прямо на шею, прилип. Да такой холодный-холодный. Я хотел его отодрать и проснулся. А мама моя гладит холодной рукой по шее и говорит „Вставай, пора в школу собираться“». (1936 год)

⁷ Очерк публикуется в сокращении, полная версия размещена на портале «Проза.ру». <https://www.proza.ru/2019/04/10/1239>

Детский сон Виктора Третьякевича оказался пророческим. Тьма и буря, и сонм листьев, навязчиво жужжащих над головой, словно навозные мухи, и один из них, мертвенно холодный и такой липкий, что его не отодрать... Жуткая печать. Через шесть лет после этого сна Виктору было суждено пройти через тьму фашистских застенков, вынести адские муки, погибнуть, сохранив верность своим товарищам, и стать жертвой подлой клеветы. И еще шестнадцать лет после своей мученической смерти он нес на себе эту страшную липкую метку: «Предатель». Уже мертвый, он был убит еще раз. И даже после того, как ему вернули доброе имя, он остался заложником мифа. Мифа, который оказался дороже правды.

Тот, которого так любили

Парадоксально, что жертвой мифа, созданного для идейного воспитания советской молодежи, стал именно этот юноша, которого так искренне любили все, кто знал его близко.

«Мы любили Виктора, – вспоминала его одноклассница Августа Карповна Сафонова. – За его доброту, чуткость, принципиальность. Он казался намного старше нас. То, что мы не понимали, он мог нам разъяснить. Его ответы запомнились до сих пор. Виктор не любил общие слова. Часто говорил: „Почему я так думаю?“ и приводил доводы. Нас удивляло, когда он так успевал готовиться к урокам. Ведь Виктор

был секретарем комсомольской организации школы, членом учкома, редактором общешкольной стенной газеты, руководителем струнного кружка школы. Комсомольские собрания, помню, готовил он очень тщательно, и они проходили интересно, по-деловому... О Викторе можно говорить много хорошего... Вот пробую вспомнить хоть одну отрицательную черту его характера и не могу. Был он очень хорошим человеком. Талантливым и добрым».

Увенчанная жертва

В 1941 году Виктор был в колхозе на уборке урожая. Учительница А. И. Киреева вспоминала, как старательно заботился Третьякевич о своих товарищах. Когда стало особенно жарко, опасаясь, что лица девушек обгорят на солнце, он помчался на пасеку и раздобыл для них ткани, которые использовали пчеловоды для защиты от укусов пчел. Потом оказалось, что одна из бригад не справляется с заданием, и другие ребята уже начали выказывать недовольство по этому поводу. Виктор, составлявший списки бригад, воспринял это обстоятельство как свой собственный просчет и бросился его исправлять. «Можно я вам помогу?» – обратился он к отстающим. И принялся работать изо всех сил с поразительной скоростью и ловкостью. Он умудрился связать невиданный, гигантских размеров сноп, вызвав всеобщее изумление, а отстающая бригада вышла вперед. Виктор не афишировал свое

участие в этой победе, но девушки из бригады-победительницы о ней умалчивать не стали. Они сплели венок из пшеничных колосьев и торжественно надели Виктору на голову.

Так в древности венчали человека, предназначенного для жертвоприношения в праздник урожая. Но девушки вряд ли об этом знали. К волнистым светло-русым волосам и глубоким синим глазам юного комсомольского секретаря так шло украшение из хлебных колосьев! Этот пшеничный венок на голове Виктора так же символичен, как прилипший к шее лист в его сне. А девушки весело шутили и смеялись, украшая своего комсорга. Они тут же сочинили и спели подходящую к случаю песню. Может быть, Виктор подыграл им на своей мандолине, которая, конечно, была при нем, – ведь он был хороший музыкант и ему ничего не стоило подхватить на лету любую мелодию.

Из комсorghов в партизанские связные

Родился Виктор в селе Ясенки Горшеченского района Курской области 9 сентября 1924 года младшим ребенком в семье Иосифа Казимировича и Анны Иосифовны Третьякевичей, у которых было еще два сына, Михаил и Владимир, и дочь Мария. В 1932 году вслед за Михаилом, приехавшим сюда работать на шахту, семья переехала на Сорокинские рудники на Донбассе (вскоре этот шахтерский городок получил название Краснодон). Здесь Виктор сразу пошел в шко-

ду. Лучший и любимый ученик учителей по разным предметам, он страстно увлекался музыкой, писал заметки, которые публиковались даже в городской краснодонской газете «Социалистическая Родина», с готовностью и очень успешно занимался с отстающими в учебе одноклассниками.

В 1939 году Виктор стал комсомольцем и уже через несколько месяцев возглавил комсомольскую организацию школы. Доверие, которое оказали ему ребята, Виктор воспринял как высокую честь, хотя многие одноклассники в своих воспоминаниях особо отмечали его исключительный слух и прекрасные музыкальные способности, как бы намекая на то, что ради общественной работы он пожертвовал своим даром. Еще ребенком он легко научился играть на мандолине и гитаре, а потом и на балалайке, которую подарил ему старший брат, и всегда с радостью откликался на просьбы родителей, убажывая их по вечерам любимыми мелодиями. Родственники дружно говорили о том, что музыка давалась ему без труда. Но это был не единственный из его талантов.

«Секретарство для Виктора было делом новым и вначале... отнимало у него много времени. Даже успеваемость у него снизилась, да и сам он похудел», – поведала Анна Борцова, его школьная подруга, которая сидела с ним за одной партой. Но, по ее свидетельству, Виктор быстро освоился и проявил выдающиеся организаторские качества: «Помню, он заметно отличался от многих ребят своею вежливостью,

тактом, суждениями. У ребят он пользовался большим авторитетом... Особенно я любила наблюдать, как из всей массы выступлений, замечаний, Виктор выбирал и формулировал то, что удовлетворяло людей с самыми различными, казалось, настроениями... Он все больше забирал в руки работу отдельных товарищей, в результате чего поднялась дисциплина комсомольцев». Под руководством Виктора Третьякевича школьная комсомольская организация была признана одной из лучших в Краснодаре. Он не выносил формализма, зато с легкостью поднимал за собой ребят то сажать молодые деревца, то сколачивать скворечники для птиц, а созданный им школьный струнный оркестр, с успехом исполнявший русскую и украинскую народную музыку, прославился на весь город.

Анна Борцова рассказала еще один интересный факт: «В это время уже шла война между гитлеровской Германией и Западом. Близко к сердцу Виктор принимал то, что происходило на Западе. Поглощение Чехословакии, Австрии, походный марш гитлеровцев по земле Франции („продали Францию“, – как говорил Виктор) сильно действовали на него».

Виктор глубоко интересовался международной политикой, много читал, размышлял о происходящем в мире и делал собственные выводы, о чем говорит случай, также приведенный в воспоминаниях Анны: «Стояла суровая зима. Плотной железной дороги заносило снегом и тогда останавливалось движение поездов... Виктору Третьякевичу сообще-

ли, что срочно требуется комсомольцы для очистки путей. Как он добился этого – я не знаю, но к 12 часам ночи 21 человек комсомольцев с лопатами на плечах явились на работу... Снег бьет в лицо, забирается в рукава, а голос Виктора слышен время от времени:

– Давай, давай, товарищи, поборемся с бурей! А там, может, и с Гитлером придется бороться!

За этот возглас, который был известен всему коллективу, Виктора вызывали в райком (ведь Германия имела с нами договор). Что там было – я не знаю. На мои вопросы Виктор отшучивался».

Так юный комсорг заранее готовил себя к борьбе с фашизмом и даже пытался говорить о ней с ребятами тогда, когда за такие разговоры можно было жестоко поплатиться. Его очень волновала проблема готовности страны, народа, комсомольской организации к неизбежной смертельной схватке с врагом. О смелости и принципиальности, о гражданском мужестве Виктора как комсомольского активиста ярко свидетельствует и его выступление на областной отчетно-выборной комсомольской конференции в сентябре 1940 года. Выступление шестнадцатилетнего члена райкома Третьякевича было резко критическим. Он говорил о том, что только за период с февраля 1939 по сентябрь 1940 года в районе сменилось четыре секретаря райкома комсомола и это явно не способствовало связи аппаратных работников с активом. Виктор конструктивно критиковал бюрократическую

систему руководства и ратовал за демократизацию отношений в комсомольской организации. Его критика была признана справедливой.

Когда началась война, Виктор закончил только девять классов, но рвался на фронт и упрашивал старшего брата Михаила, работавшего в то время в Ворошиловградском горкоме партии, помочь ему в этом. Михаил не только не пошел на поводу у Виктора, но и сумел уговорить его эвакуироваться в Узбекистан, куда уже выезжали семьи партийных работников. Старший брат хотел отправить его к своей жене. Однако, доехав до Куйбышева, юноша услышал по радио о разгроме фашистов под Москвой и, вдохновленный этим известием, решил вернуться. К тому времени, когда он добрался до Ворошиловграда, где теперь жили его родители, прошла уже половина учебного года. Виктор умудрился не только хорошо закончить десятый класс, но и с прежней добросовестностью выполнять общественную работу: он снова был комсоргом, выпускал школьную газету. Ему шел восемнадцатый год.

Еще в октябре 1941 года фашисты захватили большую часть главного угольного бассейна. В ноябре они были уже в Ворошиловградской области. Эвакуировались промышленные предприятия. Михаил Иосифович Третьякевич, с сентября 1941 года второй секретарь Октябрьского райкома Компартии Украины города Ворошиловграда, был одним из тех, кто руководил эвакуацией людей и оборудования. Уез-

жали из города и партийные работники. Оставались лишь те из них, кто был готов работать в условиях оккупации. К последним принадлежал и Михаил Третьякевич. На Ворошиловградчине создавалась подпольная сеть, вся область разбивалась на несколько частей, в каждой из которых должен был действовать подпольный обком и боевой партизанский отряд. Командиром одного из отрядов стал первый секретарь Ворошиловградского горкома партии И. М. Яковенко, а комиссаром – М. И. Третьякевич. Но наступление на Ворошиловград осенью 41 года было остановлено. А когда летом 1942 над городом нависла новая угроза оккупации, большая часть членов партизанского отряда ушла на фронт. Пришлось в срочном порядке подбирать новый состав, заниматься продовольственным обеспечением и вооружением. Михаил Иосифович вспоминал: «Когда мы формировали партизанский отряд, пришел ко мне Виктор... Возьми меня в отряд. Я же немецкий два раза на курсах учил. Я водой обливаюсь холодной. Я все готов вытерпеть. Возьми в отряд. Не могу, понимаешь, не могу. Взял бы я Виктора, значит, породственному пришлось бы посылать на самые трудные задания. Володя был в армии, я уходил в партизанский отряд комиссаром. Через год и Виктор бы пошел на фронт... Но он опередил события и пошел к будущему командиру отряда, первому секретарю горкома партии И. М. Яковенко. Тот его взял в отряд». Виктор Третьякевич активно принимал участие в последних сборах и приготовлениях, которые на-

чались 7 июля и длились всего неделю. 13 июля 1942 года партизаны уходят в лес. А семнадцатого Ворошиловград занимают фашисты.

Наспех сколоченный отряд в количестве сорока восьми человек был разбит на четыре группы, каждая имела свое место базирования. Штаб отряда во главе с командиром И. М. Яковенко и комиссаром М. И. Третьякевичем расположился между хуторами Паньковка и Христовое. Здесь, в Паньковском лесу, участники отряда дали партизанскую клятву.

В отряде было семь комсомольцев, среди них Надежда Фесенко, секретарь подпольного горкома комсомола Ворошиловграда, вскоре назначенная секретарем подпольного обкома; ее подруга Галина Серикова, секретарь Октябрьского райкома комсомола Ворошиловграда, впоследствии секретарь подпольного горкома; и Виктор Третьякевич, утвержденный связным обкома и членом горкома. Семеро ребят и девчат должны были выполнять задачу по организации комсомольского подполья в городе и области и координации его деятельности. Еще перед уходом в лес Надежда Фесенко завербовала в Ворошиловграде двадцать восемь комсомольцев, подпольщиков-одиночек, и несколько связных, через которых передавались задания и информация. Надежда, Галина и Виктор неоднократно ходили в город на встречи со связными, знали адреса явочных квартир, пароли, шифры. Штаб отряда выпускал листовки с призывами к населе-

нию не верить фашистской пропаганде, срывать мероприятия оккупационных властей, всеми средствами уклоняться от угона в Германию, прятаться от облав. Распространять в городе агитматериалы было делом комсомольцев. Часть они расклеивали сами, часть передавали своим связным. Во время такой операции одна из связных рассказала им о складе с боеприпасами у мельзавода № 1. Возвращаясь с задания, Надежда, Виктор и другие ребята сняли охрану склада и взорвали несколько штабелей снарядов.

Виктор закладывал взрывчатку при подрыве переправы через реку Северный Донец у села Веселая Гора, а также двух наведенных немцами понтонных мостов через Донец возле хутора Обозное, предназначенных для транспортировки на фронт военной техники. Как разведчику пригодилось Виктору и знание немецкого языка: когда в направлении Обозного было обнаружено непонятное сооружение, подкравшись близко, Виктор услышал, как немцы передают метеосводку на ближайшие аэродромы. Сооружение оказалось метеостанцией. Партизаны ее взорвали. Во время вооруженных столкновений с врагом Виктор показал себя смелым и дисциплинированным бойцом.

В условиях Донбасса, где преобладает открытая местность, а леса – лишь в овражках, балках, по берегам рек, отдельным группам партизанского отряда, чтобы не быть обнаруженными, приходилось часто перемещаться. Связь с одной из четырех групп отряда, возглавляемой командиром

Литвиновым, несмотря на все усилия связных, была полностью потеряна. Впоследствии стало известно, что в группе оказались двое дезертиров. Очевидно, они навели немцев или полицаев на базу группы, потому что база была разгромлена, партизаны остались без продуктов. Выдали предатели и состав штаба, и имена товарищей из своей группы, и даже указали адреса некоторых из них. По крайней мере, два человека из этой группы были схвачены по возвращении домой. Командир группы, Литвинов, после неудачных попыток выйти на связь со штабом отряда, который вынужден был часто менять дислокацию, отправился в Волошинский район Ростовской области, где ему удалось создать новую партизанскую группу из попавших в окружение советских солдат и офицеров. Политрук другой группы, на поиски которой не раз отправлялись связные, позже пришел в штаб и сообщил, что, когда в самый первый день группа прибыла на место дислокации, там была бомбежка и партизаны повернули назад, в сторону города. Командиром этой группы, насчитывавшей четырнадцать человек, был коммунист А. И. Бобров. Впоследствии выяснилось, что за день до оккупации Ворошиловграда, 16 июля, Бобров приказал своим бойцам разойтись по домам «до особого распоряжения», а сам бежал в Ростов-на-Дону. С приходом немцев он вернулся в Ворошиловград и сознательно встал на путь сотрудничества с оккупантами.

К этому следует добавить, что первоначально в качестве

секретаря подпольного обкома на оккупированной Ворошиловградчине ЦК ЛКСМУ оставил аппаратного работника Гайдученко. Архивные документы свидетельствуют о том, что Гайдученко получил информацию обо всех комсомольских активистах, оставшихся в тылу врага, в том числе о Г. Сериковой, Н. Фесенко, В. Третьякевиче. Однако обком не успел выделить Гайдученко связных и определить его место базирования. Оказавшись в такой ситуации, Гайдученко вступил в партизанский отряд Панчикова, который 13 июля отправился в Краснодонский район, но в пути попал под бомбежку, лишился продуктов, разделился на две группы, влившиеся в отступающие воинские части. 22 июля подразделение, в котором находился Гайдученко, обороняло подступы к Ростову-на-Дону. Здесь Гайдученко вместе с другими оставшимися в живых бойцами попал в плен и был отправлен в концлагерь в Миллерово, но по дороге бежал. Он вернулся в Первомайск, к себе домой, где был арестован по доносу старосты и доставлен в районную полицию. Начальник полиции, бывший инспектор районо Матвиенко, хорошо знал Гайдученко как секретаря обкома и пригрозил ему расстрелом, если он не сообщит все, что ему известно о коммунистах, партизанах, руководителях и связных комсомольского подполья. Партаппаратчик согласился не раздумывая. Все это стало известно после освобождения Ворошиловградчины от оккупации. Гайдученко был осужден как изменник Родины, но сведения об этом никогда не публиковались в

печати. А пока секретарем подпольного обкома комсомола была назначена Надежда Фесенко.

Отряд действовал достаточно активно для того, чтобы вызвать ярость оккупантов. В район хутора Паньковский было брошено около трехсот карателей. Ранним утром 6 августа они обстреляли лес из орудий и минометов, после чего начали переправляться через Донец. Лес был небольшой и редкий. Партизаны не вступили в открытый бой с многократно превосходящими силами врага и стали отходить вниз по Донцу. М. И. Третьякевич и И. М. Яковенко, ведя каждый по группе партизан, должны были встретиться в условленном месте. Но встреча не состоялась. Значительная часть отряда в итоге была уничтожена, оставшиеся в живых его члены оказались рассеяны. И. М. Яковенко погиб. Виктор, Надя и Галя во время столкновения группы Яковенко с карателями выполняли задания командира в городе и уцелели. Известно также, что Яковенко отправил Виктора в Ворошиловград с заданием по подпольной работе еще за два дня до своей гибели, фактически отослав из отряда, над которым, как уже стало ясно, нависла угроза, и подчиниться этому приказу юноше пришлось скрепя сердце. Об этом Виктор откровенно расскажет своему другу Василию Левашову при первой их встрече в Краснодоне.

Вернувшись каждый со своего задания, и Галина, и Надежда, и Виктор тщетно разыскивали Яковенко и его бойцов. Остался жив и Михаил Третьякевич со своей пятер-

кой, также тщетно дожидавшийся Яковенко и его группу в условленном месте. Как договаривались с Яковенко, он ушел в Митякинский лес. Впоследствии Михаилу Третьякевичу удалось организовать подпольную группу, которая вела диверсионную и пропагандистскую работу. В ноябре он ушел в Ворошиловград, где ему пришлось переходить с одной явочной квартиры на другую, поскольку гестаповцы его разыскивали и имели его приметы. Здесь он встретился с несколькими уцелевшими членами партизанского отряда. Они возобновили выпуск антифашистских листовок в оккупированном городе.

Какое-то время Виктор остается в Ворошиловграде, где на квартире Михаила все еще жили его родители, и продолжает работу в комсомольском подполье. По мнению некоторых исследователей истории антифашистского сопротивления на Луганщине, подпольный обком комсомола в лице Надежды Фесенко направил Виктора в Краснодар, город, где он вырос и как активист, член райкома, хорошо знал молодежь. К такому выводу приходил и его брат. Ведь и командир Яковенко, и комиссар Михаил Третьякевич не раз говорили комсомольцам, что в случае гибели отряда они обязаны взять на себя ответственность за подпольную работу в городе и области. К тому же Виктор знал, что согласно решению ЦК ЛКСМУ в Краснодаре должен находиться Гайдученко, выйти на связь с которым было его прямой обязанностью как связного подпольного обкома комсомола. И вскоре он переезжает

туда вместе с отцом и матерью.

Утечка секретной информации к врагу через предателей способствовала тому, что Галина Серикова и Надежда Фесенко уже в октябре были арестованы и оказались в фашистских застенках. Обе они героически погибли, не дав врагу никаких сведений о ворошиловградском подполье. Немного позже так же суждено было погибнуть и Виктору Третьякевичу в Краснодаре. Но прежде чем попасть в руки палачей, отважный комсомольский вожак успел с честью выполнить свое задание.

Комиссар «Молодой гвардии»

Окончательно переселились Третьякевичи в Краснодар во второй половине сентября. Если сопоставить свидетельства разных людей, становится понятно, что, живя в Ворошиловграде, Виктор трижды навещался в Краснодар (его там видели соседи), а перебравшись в Краснодар, ходил в Ворошиловград. В Краснодаре было много активной, боевой молодежи, страстно желающей сопротивляться фашистскому произволу. Кое-кто из друзей Виктора уже действовал самостоятельно.

По инициативе Виктора Третьякевича две небольшие подпольные группы, созданные независимо друг от друга его бывшим одноклассником Сергеем Тюлениным и Иваном Земнуховым, которого он также очень хорошо знал, слились

в одну.

Ребята быстро нашли общий язык, ведь они были одержимы одной целью: во что бы то ни стало внести свой вклад в скорейшую победу над врагом. Чуть позже по предложению Сергея Тюленина организация была названа «Молодой гвардией».

Первое собрание юных подпольщиков состоялось в сентябре. В ряде источников указывается дата 29 сентября. Инициаторы объединения антифашистских молодежных групп Краснодона в единую подпольную организацию первым делом учредили ее штаб. В состав штаба с самого начала его существования вошел окончивший вместе с двоюродным братом Сергеем курсы радистов в разведшколе под Ворошиловградом Василий Левашов, один из немногих впоследствии оставшихся в живых молодогвардейцев. О деятельности «Молодой гвардии» он рассказал в своей книге «Брат мой – друг мой», посвященной памяти погибшего брата и товарища по подпольной борьбе Сергея Левашова. О первом собрании юных подпольщиков Василий пишет:

«Внимание всех сосредоточилось на Викторе: что скажет он? Виктор понимал, что мы ждем его слова. Сдержанно улыбаясь, обвел всех взглядом, потом произнес:

– Вы все, наверное, знаете, что немцы дошли до Волги и Кавказа. Красная Армия понесла большие потери и находится в трудном положении. Пора и нам включаться в борьбу. Мы с Ваней предварительно обсудили этот вопрос и предла-

гаем создать подпольную комсомольскую организацию. Как это сделать, давайте решать вместе.

– Витя, договаривай до конца наши предложения.

– Для руководства деятельностью подпольной комсомольской организации предлагается создать штаб. Так как избирать нас некому, сами объявим себя членами штаба. А вот начальником штаба я предлагаю избрать Ваню Земнухова.

Все с этим согласились.

– Теперь нам нужно избрать политического руководителя подпольной организации, то есть комиссара. Какие будут предложения?

– Тебя, Витя! – воскликнул Жора.

– Я тоже высказываюсь за то, чтобы комиссаром был Виктор, – сказал Ваня.

В оценке Виктора мы все были едины, признавая в нем авторитетного парня, умелого комсомольского организатора, имеющего опыт работы в комсомольском подполье в Ворошиловграде. Ценили мы в Викторе и смелость, которую он проявил в партизанском отряде. Его и утвердили комиссаром».

Одним из активнейших участников «Молодой гвардии» с самых первых дней был и Георгий Арутюнянц, назначенный ответственным за агитационную работу. Георгию, как и Василию Левашову, покинувшему Краснодар, как только начались первые аресты молодогвардейцев, посчастливилось уцелеть после разгрома краснодонского комсомольско-

го подполья. Присоединилась к «Молодой гвардии» и четверка известных во всей округе силачей во главе с Анатолием Ковалевым по прозвищу Царек, чуть позже – Первомайская группа под руководством Анатолия Попова и Ульяны Громовой. Вошедшую в организацию группу из поселка Краснодон возглавлял Николай Сумской. Василий Левашов по поручению штаба сформировал центральную группу, в которую вошли: его брат Сергей, Владимир Загоруйко, Юрий Виценовский, Владимир Осьмухин, Анатолий Орлов. К ноябрю членом «Молодой гвардии» стала и Любовь Шевцова, с которой братья Левашовы учились на курсах радистов в разведшколе, правда в разных группах. К концу сентября подпольная организация насчитывала около тридцати человек, а к концу ее существования, по последним данным исследователей, число членов приблизилось к ста пятидесяти. Когда Виктор Третьякевич и Иван Земнухов привлекли в организацию побывавшего на фронте, попавшего в окружение и бежавшего из лагеря военнопленных двадцатитрехлетнего Ивана Туркенича, его, как старшего и уже имеющего фронтовой опыт, с подачи Виктора избрали командиром. «Молодая гвардия» росла. Виктор часто ходил в поселки Первомайка и Изварино. Как комсомольский активист, он знал очень многих и теперь встречался со знакомыми ребятами и девушками, выясняя их настроения, устанавливал связи с теми, кто заслуживал доверия.

Молодогвардейцы быстро наладили выпуск листовок с

фронтowymi сводками. Ребята отыскали неисправный радиоприемник, и Сергей Левашов, который еще до войны занимался в кружке радиолюбителей и хранил дома много радиодеталей, сумел его отремонтировать. «В листовках „Молодой Гвардии“ ощущаешь публицистический пафос Виктора Третьякевича», – отмечал В. Васильев в своей книге «Краснодонское направление». Пока не раздобыли в разрушенной типографии местной газеты шрифт и не собрали на квартире у Георгия Арутюнянца примитивный печатный станок, листовки писали и переписывали от руки, практически все участники комсомольского подполья принимали участие в их тиражировании и распространении. По свидетельству Георгия Арутюнянца, «Третьякевич, Земнухов писали по 200–300 листовок, каждому давали задание написать по 20 листовок».

«Ко мне домой пришли Анатолий Ковалев, Вася Пирожок, Миша Григорьев, с ними был и Виктор... Когда собралась ребята уходить, он спросил у меня, хочу ли я вступить в комсомол. Я удивилась – кто же меня примет сейчас в комсомол. Он улыбнулся и ответил: „Найдутся люди“, а потом добавил – „подумай“. Вот эти три слова – „найдутся люди“ и „подумай“ – я буду помнить всю жизнь. В жуткие дни оккупации... он активно начал спланировать молодежь, вовлекать ее в борьбу. Он оставался комсоргом в нашем городе. Дня через три Виктор принес мне текст листовки, прочитал и сказал, чтоб я написала как можно больше экземпляров, а

Анатолий... ночью разбрасает их по базару. Начинаясь листовка словами: „Прочти и передай товарищу!“ И дальше о Сталинградских боях».

Эти воспоминания Антонины Титовой относятся к октябрю 1942 года. Антонина с Анатолием тогда написали несколько десятков экземпляров. Таково было, по словам самого Виктора, первое комсомольское задание Антонины, как заметила она в другой раз. Так в условиях оккупации Виктор привлекал активную молодежь в комсомол и одновременно – к сотрудничеству с «Молодой гвардией». С другой стороны, некоторые молодогвардейцы стали подпольщиками раньше, чем комсомольцами. Радий Юркин, еще один уцелевший участник и свидетель боевых дел «Молодой гвардии», которому осенью 1942 года было только четырнадцать лет, рассказывал, как его принимали в комсомол в хате Третьякевичей, где проходили многие собрания штаба. В условиях подполья юношам и девушкам выдавались временные комсомольские удостоверения, в которых стояла подпись «комиссар Славин», – это подпольная кличка Виктора Третьякевича.

С появлением возможности печатать листовки их тираж увеличился. В самодельной типографии трудились Георгий Арутюнянц, Иван Земнухов, Владимир Осьмухин, Василий Левашов и Виктор Третьякевич. Первый тираж был распространен по городу к 7 ноября. Подробно рассказано об этом в книге Георгия Арутюнянца «Выросли мы из пламени».

Что касается содержания деятельности «Молодой гвардии», и роман Александра Фадеева, и фильм Сергея Герасимова во многом достоверны. Но и в романе, и в фильме отсутствует имя настоящего комиссара краснодонского комсомольского подполья и главного инициатора большинства антифашистских акций. По свидетельству Радия Юркина, идею отметить двадцать пятую годовщину Октября красными флагами на самых высоких зданиях города подал на одном из заседаний штаба именно Виктор Третьякевич. А в ночь с 4 на 5 декабря, ко Дню Конституции, дерзкую акцию в Краснодаре повторили. Люба Шевцова вместе с Майей Пегливановой, активной участницей первомайской группы, забрались на большую трубу шахты № 10 и установили на ней красный флаг.

Виктор отметил 7 ноября еще и успешной антифашистской диверсией. Вот как рассказывал об этом Василий Левашов: «Утром зашел я к Виктору Третьякевичу, который перед рассветом вернулся из Первомайки. Вместе направились к Земнухову. Его дом был совсем близко от школы, на крыше которой продолжал развиваться красный флаг. Так отмечалась 25 годовщина Октября в городе. А за городом ребята из Первомайской группы совершили диверсию. К ним еще утром 6 ноября ушел Виктор. На дороге из Краснодона в Каменск ребята заминировали мост. Участвовали Виктор, Попов, Главан, Петров, Бондарев. Утром 7-го там подорвалась немецкая машина». Захваченное оружие взяли се-

бе первомайцы. По свидетельству Василия Левашова, акция была повторена близ железнодорожного моста на шоссе на дороге: «Решили устроить засаду у железнодорожного моста. Иван Туркенич разъяснил план нападения на машину. Виктор проверил исправность оружия, предупредил о мерах предосторожности... Быстро приближалась к засаде автомашина. Раздался взрыв... Мы скатились с насыпи, быстро сняли с убитых оружие и патроны».

Молодогвардейцы весьма успешно сорвали угон в Германию отобранного у населения скота, уничтожив охрану и разогнав коров по степи: из пятисот голов полиция удалось собрать не более сотни. План нападения разработал Виктор Третьякевич, четко распределив боевые задания между участниками. А когда штаб «Молодой гвардии» принял решение о поджоге немецкой биржи труда, чтобы сорвать массовый угон населения в Германию, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова, Владимир Лукьянченко, Семен Остапенко и Виктор Третьякевич тщательно подготовили эту операцию, заранее выяснив расположение кабинетов и их содержимого. В ночь с 5 на 6 декабря, пока другие ребята следили за улицей, чтобы в случае необходимости отвлечь полицейских, Сережа и Люба пробрались в здание и подожгли его. Биржа сгорела вместе со всеми документами. Фашистам пришлось снова начинать перепись населения, но организовать намеченную отправку рабочей силы из Краснодарона им не удалось. Краснодарское комсомольское подполье действовало смело, на-

нося врагу реальный урон. За время своего существования организация осуществила не менее тридцати девяти диверсионных операций.

Между тем в оккупированном городе именно молодежь находилась в постоянной опасности. Многие ребята из принципа не желали работать при немцах – ведь это значило работать на врага. Безработная молодежь рисковала быть насильно отправленной в Германию, и этот вопрос снова и снова вставал перед юношами и девушками. В ноябре 1942 года директором клуба имени Горького стал двадцатидвухлетний коммунист Евгений Мошков. Оккупационные власти согласились на открытие клуба, ожидая от его администрации прогерманской пропагандистской работы. Евгений Мошков подобрал в руководство соответствующие кадры: администратором клуба стал Иван Земнухов, художественным руководителем – Виктор Третьякевич. Те трудоустроили в клубную самодеятельность практически всех активных молодогвардейцев, что избавляло последних от опасности угона в Германию и одновременно давало подпольщикам возможность открыто встречаться на репетициях, обсуждая свои дела. Повторив свой успешный школьный опыт, Виктор Третьякевич создал и возглавил кружок струнных инструментов (мандолина, гитара, балалайка), Иван Земнухов организовал драмкружок, а Анатолий Ковалев – спортивную секцию клуба, которая ставила силовые и акробатические номера. Ребята должны были подготовить показа-

тельный концерт, что они и сделали. Выступление молодежи немцам понравилось, хотя представленный репертуар и не отвечал задаче прогерманской пропаганды. Директор Евгений Мошков объяснил это тем, что на пропагандистско-воспитательную работу с творческой молодежью ему нужно время. Клуб продолжал свою работу до нового 1943 года, когда были арестованы все трое его руководителей.

Период работы молодогвардейцев в клубе имени Горького – время бурного численного роста подпольной комсомольской организации. Художественная самодеятельность служила удобным поводом для привлечения к работе новых участников. Антонина Титова вспоминает, что оказавшийся в руках молодогвардейцев клуб имени Горького был полон молодежи со всех концов города, «там кипела жизнь». А подпольщики в нем чувствовали себя хозяевами. У этого явления, несомненно, существовала и обратная сторона: позволительно усомниться в том, что охваченные творческим энтузиазмом ребята соблюдали правила конспирации с той же строгостью, что и прежде, когда они по одному, с интервалом не менее чем в десять минут приходили на собрания в хату к Виктору Третьякевичу, на квартиру к Георгию Арутюнянцу и к другим своим товарищам, прося родителей последить за улицей. Это обстоятельство необходимо иметь в виду, чтобы понять одну из существенных причин, повлекших за собой гибель такого количества юных подпольщиков.

И все же роковую роль в судьбе «Молодой гвардии» сыг-

рали обстоятельства, десятки лет не предававшиеся огласке: ведь они бросали тень на того, чей идеальный образ, созданный сначала писателем Александром Фадеевым, а затем режиссером Сергеем Герасимовым и актером Владимиром Ивановым, моментально превратился в икону.

Заговор против комиссара

Из письма Василия Ивановича Левашова директору красnodонского музея «Молодая гвардия» Александру Макаровичу Литвину от 14 ноября 1963 г.:

«Олег Кошевой вступил в нашу организацию несколько позже, чем другие члены штаба. Мы принимали его в организацию, когда уже были распределены обязанности между членами штаба... Что же дало повод назвать О. Кошевого комиссаром? В работе нашего штаба был один неприятный случай. В конце декабря 1942 г., незадолго до арестов, Олег Кошевой пытался сформировать группу комсомольцев в 15 чел. и увести в лес. Он объявил себя комиссаром этой группы, забрал у Анатолия Орлова бланки комсомольских билетов и стал вручать их некоторым подпольщикам. На комсомольских билетах типографическим шрифтом заделана подпись: „комиссар „Молодой Гвардии“ Славин – это кличка В. Третьякевича. Кошевой чернилами зачёркивал – Славин – и на этом месте чернилами писал свою кличку – Кашук. Любому человеку в этом нетрудно разобраться,

взяв в руки один из сохранившихся комсомольских билетов. Через несколько дней после этого случая, 27 декабря 1942 года на квартире у В. Третьякевича состоялось заседание штаба. Из живых участников там присутствовали я и Г. Артюнянц. На этом заседании Евгений Мошков, Иван Земнухов, Виктор Третьякевич разоблачали недостойные попытки Кошевого расколоть „Молодую Гвардию“. Здесь он был строго предупрежден и за обман с комсомольскими билетами... Он извинился перед Виктором Третьякевичем“».

Что касается упомянутых комсомольских билетов, то они со временем подверглись более тщательной «корректуре». «При изучении этих билетов обнаружилось, что первоначально заделанная подпись на них тщательно выскоблена и вместо нее появилась новая подпись „Кашук“», – сказано в «Докладной записке комиссии ИМЛ при ЦК КПСС по изучению истории организации „Молодая гвардия“ директору института П. Н. Пospelову о проделанной работе» от 28 августа 1965 года. Более тщательная экспертиза 1992 года выявила на одном из билетов следы первой стертой буквы «С». Таким образом, подделка доказана и задокументирована дважды, причем вторичная экспертиза поставила точку в истории с билетами, которую Василий Левашов назвал «неприятным случаем».

Но подделка билетов, вручать которые имел право лишь настоящий комиссар подпольной комсомольской организации, – вещественное доказательство интриги и предатель-

ства. В своем письме Литвину Левашов лишь вскользь упоминает о попытке Кошевого отколоть от организации «группу комсомольцев в 15 человек и увести в лес», так, будто сам Василий не имел к этой группе никакого отношения. А между тем сохранился его же более ранний рассказ о несостоявшемся уходе в партизаны, который содержится в стенограмме «Беседы с Левашовым Василием Ивановичем, участником „Молодой гвардии“» от 16 марта 1947 года:

«Это было в конце ноября или в начале декабря месяца. Уже было холодно. Однажды мы шли с Олегом Кошевым из клуба имени Горького. Он говорит – у нас есть предатель... Олег Кошевой совершенно случайно имел встречу с одним раненым партизаном... Оказалось, что Виктор Третьякевич был у них в партизанском отряде, потом Третьякевич получил задание, которое он не выполнил, в результате чего был разбит партизанский отряд. После этого он пришёл в Краснодар. Стал работать здесь. Будто бы искупить свою вину. Но работал он от души, вкладывал в нашу работу всю свою душу, на мой взгляд это было так. Олег Кошевой предлагает отстранить Третьякевича от руководства, а ему пока ничего не говорить. Мы всем не сказали, а предупредили кроме штаба Серёжу Тюленина и Валю Борц, – больше никому не говорили. Как-то было очень странно. Отстранить Третьякевича от руководства – это слишком как-то много. Его все знали, ему верили, к нему все приходили за советами. Ничего не говоря Третьякевичу, Олег Кошевой пришёл к Орлову, взял у него

комсомольские билеты, подписался и стал вручать... Я получил самый первый комсомольский билет... Олег отобрал 15 человек лучших товарищей и решил идти с ними в партизанский отряд. Он говорил, что имеет связь через какого-то Данилу с Ростовскими партизанами, куда и хотел вести нас. Он нам сказал, чтобы мы готовились, приготавливали тёплые вещи. В этих 15-ти были: Серёжа Тюленин, Валя Борц, Ванюша Земнухов, Олег Кошевой, я, В. Туркенич, Василий Борисов, Василий Пирожок, Анатолий Попов, Петров, Орлов, Жора Арутянц, Ульяна Громова и др... С отстранением Третьякевича у нас все перепуталось... Пришёл Ванюша Земнухов. Он сказал, что – мне это не нравится, не нравится то, что Олег, самовольно отстранив Третьякевича, устроил неразбериху, то, что нужно уходить к партизанам, а как им доверять, когда о них мы никогда ничего не слышали – об их действиях... Мы долго с Ванюшей и Жорой совещались... Потом я пришёл в клуб Горького и говорю Олегу: „Знаешь, Олег, нужно обо всем сказать Третьякевичу, потом, мы уйдём, оставляем организацию в сто человек на произвол судьбы. Разве это дело?“ Он вспылал... В это время Третьякевич приходит к Орлову: „Где билеты?“ „Взял Олег Кошевой“. Третьякевич пришёл к Олегу, я был у него. Олег сказал Третьякевичу, что мы узнали о его предательстве партизанского отряда, что он предатель. Во время разговора я стоял в стороне и наблюдал за ним. Третьякевич очень спокойно возразил Кошевому: „Как вы могли поверить, что я могу сде-

«... лать это!“ Я думаю, что, обладай какой угодно силой воли человек, он все же потерял бы самообладание, когда бы его неожиданно и верно уличили. Человек с нечистой совестью не мог бы так вести себя... Олег сказал Третьякевичу, что он все сделал, что скоро они уходят. Но уход сорвался, точно и сам не знаю почему...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.